

Вагам Меґжамов Псаходог

18+

Вадим Меджитов

Психолог

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Меджитов В.

Психолог / В. Меджитов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Самым сильным, самым сложным, самым коварным врагом для интеллектуального человека является он сам. Самоанализ, самокопания - все это является своеобразным проклятием для развитого индивида. И только смерть может помочь отбросить все жизненные условности и проблемы бытия. Смерть... это конечная стадия существования человека или смысл его брэнной и ничтожной жизни? Никто не знает. Ясно одно - без практического опыта к истине никогда не приблизишься. А значит, пора в путь! И пусть жестокий мир сам ответит нам на все незаданные вопросы, раскроет перед нами тайны мироздания.

Содержание

I	5
II	6
III	9
IV	12
V	13
VI	15
VII	17
VIII	20
IX	25
X	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

I

Ворон принес ему хорошие новости – впереди и правда располагалась деревня, которую упоминали в разговорах путники. Говаривали, правда, что от места сего разит злом проклятым, что нечистые бродят по окрестным полям да лесам. Но что в этом мире идеально?

Зигмунд устало присел на поваленное неведанной силой дерево, снова погружившись в свои мрачные мысли. Они в последнее время становились все тревожнее, но одновременно и более определенными, пропадала та мерзкая душевная сумятица, что приводила его в постоянное расстройство духа. Безудержная депрессия, что без остатка поглощала его последние годы, теперь как будто уходила, расчищалась под натиском нового прямолинейного чувства, которому он раньше предавался в особо страшные минуты, но после гнал его от себя, запрещая себе думать о подобном. Только сейчас он понял, он осознал, что не то самое чувство он отгонял от себя, а пытался лишь справиться со страхом, сорвать его с себя, как липкую мерзкую паутину. А чувство то было истинным, было правильным.

И он также понял, что не страх мешает людям полноценно жить. Страх, наоборот, обеспечивает жизнь человека, гарантирует его безопасность и долголетие. Некоторые философы и мыслители, правда, спорят о том, является ли жизнь полноценной, если человек проживает ее в постоянном страхе. Но Зигмунду уже было не до высокодуховных рассуждений, последнее путешествие по этому неровному миру сделало его материалистом. И он теперь верил, что страх действительно поддерживает жизнь в человеке, но также и осознал, что как никогда ранее он желает потерять этот самый страх. И он понимал, к чему может привести подобная потеря.

Ведь то чувство, то запретное желание, которое вновь и вновь посещало его измученное сознание... было желание умереть. И когда он перестал прятаться от своего подсознания, когда он принял и одобрил свои низменные и корыстные желания... Кто знает, возможно, первый раз за всю свою долгую жизнь он ощутил, что такое счастье. Хоть и на миг, но этого хватило для подтверждения своей теории. Иронично было то, что чисто жизненное счастье посетило его разум в момент размышлений о смерти, но где в нашем мире теперь можно найти чистую и незамутненную логику? Разве что в учебниках по математике.

Зигмунд ухмыльнулся, тяжело встал и скинул на землю свою походную сумку. Теперь, на восьмом десятке лет своего жалкого существования, он мог с уверенностью сказать – в математике есть логика, а в жизни есть математика. И этот сухой предмет (как ему раньше казалось) всегда ему трудно давался в былые годы, но если уж и возвращаться к нему, то стоит начать с азов. Например, с вычитания.

II

Он вытряхнул из сумки разнообразную мелочь, что скопилась за все время его путешествия, а затем бережно и аккуратно достал небольшой сверток, лежавший на самом дне. Положил его на камень и неторопливо стал разворачивать.

Через мгновение перед ним предстал великолепный костюм, сшитый из самого дорогого и прекрасного материала, который только можно было найти на этом свете. Он изумительно выглядел, практически не мялся, чудесным образом не пачкался, ведь грязь даже боялась соприкоснуться со столь идеальной поверхностью, а человек, облаченный в этот дивный костюм, буквально чувствовал, как его окружает величественная аура собственного превосходства. Да и другие люди, одетые в свои простые незамысловатые одежды, не могли сделать ничего иного, как признать свою собственную ничтожность пред обладателем сего костюма, ибо с самого детства им вдалбливали одну простую истину – с носителями таких одежд шутки плохи. Крайне плохи. И чаще всего *смертельно* плохи, если говорить начистоту.

Ведь это был не повседневный костюм городских франтов, так же, как это не была и одежда аристократа для выхода в высший свет. Не носили ее и купцы, равно как и прочие зажиточные граждане. Нет, ведь это и не являлось одеждой в обычном мирском понимании, а было ничем другим, как... униформой. И эту самую форму все знали, ее боялись, уважали и трепетали перед ней, ибо ее мог носить только один род людей.

Аудиторы.

И это были не сухие проверяющие, рыскающие по толстым книгам в душной конторе в поиске того самого заветного столбика цифр, в котором затаилось несоответствие. Математическая погрешность. Уклонение от закона.

Но в то же время у них было много общего. Государственные аудиторы, носящие сею прекрасную форму, также получали высшее экономическое образование и также искали своего рода несоответствия, отклонения, нарушения. Но работали они несколько в ином поле, да и образование их было расширено разнообразной жизненной практикой, а не только бесполезной теорией о сущности финансов. Нет, им по долгу службы необходимо было зреть в корень проблемы, мгновенно находить нужное решение, уметь сопоставлять подвернувшиеся задачи со своим богатым жизненным опытом.

Ведь работали они с самыми опасными преступниками, которые только могли встретиться в природе – с магами. То есть с теми, кто обладал недюжинным интеллектом, расширенным кругозором, пространственным воображением (и умением выходить за рамки привычных для нас пространств и материй), а также потрясающей воображение силой, с которой обычный, пусть даже и крайне опытный, воин вряд ли справится.

Конечно, с течением времени их задачи существенно расширились. Правители, понимая безусловную мощь своих финансовых слуг, решали с помощью них свои политические вопросы. Дипломатические договоренности, каверзные расследования, заказы на убийство – это и многое другое теперь входило в круг обязанностей этих крайне способных и преданных финансистов. Некоторые считали, что правители начинали злоупотреблять услугами аудиторов, а с удаленных концов мира стали доноситься слухи о создании новых сил в противовес существующим, но пока действующий порядок сохранялся, а аудиторы выполняли все новые и новые поручения своих хозяев.

Обычные люди сильно побаивались этих заносчивых и высокомерных созданий, но они точно знали, что никто, кроме них, не сможет эффективно и быстро разобраться с проблемой магического характера. А такого рода проблема, судя по всему, и объявилась в деревне, куда целеустремленно направлялся Зигмунд.

Он начал раздеваться, весело насвистывая про себя незамысловатую, но крайне прилипчивую мелодию, и через какое-то время полностью переоделся в свой шикарный костюм. Он поднял с земли выроненное из сумки маленькое зеркальце, приставив на ветви дерева на уровне глаз.

Да, даже в таком мелком отражении было отчетливо заметно, что выглядел он потрясающе. Даже более чем. Результат превзошел все ожидания, и Зигмунд даже приплясывал от возбуждения, крутясь перед своим отражением, как юная девица на выданье рассматривает свое прекрасное платье. Для пущего эффекта он даже попросил своего ворона украсть по дороге хоть какие-нибудь бритвенные принадлежности и целый вчерашний день провел, борясь со своим запущенным видом. Он даже умудрился постричься – сказывался многолетний опыт одинокого существования, когда в домашних условиях он привык справляться со всем сам. Это было незавидное достижение, ведь в условиях походной жизни он обнаружил свою полную бесполезность – если бы не ворон, то он бы давно помер от голода. Даже если бы он вдруг нашел лук и стрелы, то крайне маловероятно, что он сумел бы подстрелить хоть какую-то дичь.

Конечно, сперва это так и задумывалось – помереть от голодной смерти, но в реальности ему стало так страшно и мучительно, что он начал выживать. Точнее, выживать начал его ворон, который не имел никакого желания улетать в могилу раньше своего часа, а взгляд Зигмунда приобрел через несколько дней такое тоскливое и невыносимое выражение, что ворону ничего не оставалось, как вздохнуть¹ и помогать своему хозяину. Он крал всякую необходимую мелочь с окрестных деревень, указывал путь на ближайшую безопасную дорогу, находил места для ночного лагеря, охотился на мелкую дичь и даже помогал поймать рыбу, когда по пути им попадалась речка. Зигмунду оставалось лишь страдать, стонать и жаловаться на свою ничемную жизнь. Ворон терпел и это, философски перенося все лишения и невзгоды.

Зигмунд еще раз повернулся вокруг своей оси, критическим взором осмотрел свой облик и нашел себя идеальным впервые за долгое время. Это подняло ему настроение, на мгновение выведя его из депрессивной меланхолии, в которой он пребывал последние несколько лет. Впрочем, это мгновение стремительно закончилось, когда он вспомнил о своих дальнейших планах. Его спину тотчас покрыл липкий озноб, а руки неприятным образом задрожали. Но даже такой мандраж он находил лучше липкой тягучей депрессии, что сковывала его сознание и мысли последнее время.

Конечно, он не был аудитором даже близко. Понимал он также совершенно отчетливо, что ношение подобной формы без соответствующего разрешения равнозначно смертному приговору. Выдача себя за государственного служащего столь высокого разряда... Даже мысль об этом приводила в боязливый трепет. Но Зигмунд твердо решил придерживаться своего безумного плана – избавления от душевных расстройств путем следования по пути смерти. И хоть ворон смотрел на эту идею крайне скептически, он не мог придумать ничего лучше. Жизнь мучала его, а смерть странным образом манила, пусть он и не представлял точно, что ожидает его после окончания его жизненного пути. Но надежда на избавление от его душевных страданий так сильно грела душу, что он никак не мог выбросить сей легкий путь из головы.

Правда, легким он казался лишь сперва. Еще давно Зигмунд корил себя за слабохарактерность, называл свою персону мерзким трусом, самобичевал себя до полного внутреннего истощения и отчаяния. Но затем он начал понимать, что жизнь не так одностороння, как ее преподносят окружающие. Он начал теоретически в голове осмысливать этот суицидальный вопрос и пришел к совершенно неочевидному выводу. Для его подтверждения он подходил к краю высокого обрыва, вставал на шаткий стул с полузатянутой веревкой на шее, подносил к своим выступающим старческим венам крайне острый нож, открывал и клал перед собой

---

¹ Конечно же, вороны не умеют вздыхать. Но Зигмунд был настолько сложным и депрессивным спутником, что ворон попросту научился *изображать* вздох.

маленькие пузырьки со смертельными ядами. И только тогда он начал понимать, что все те, кто говорил ему про презрительную легкость самоубийства, никогда не пробовали даже подойти к этому вопросу с практической стороны. Они уважали себя, что продолжали играть в эту такую сложную жизнь, что находили в себе силы не кончать с собой. И он верил им, верил безоговорочно. Его депрессия начала обволакивать его слабую душу только сильнее, когда он начал понимать, что все общество построено на маленьких психологических обманах самих себя, на фундаментальной лжи, без которой невозможно дальнейшее развитие социума. И именно тогда он впервые осознал свое одиночество в полной мере, а также внезапно понял, что это одиночество будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

И он начал судорожно размышлять, как эту оставшуюся жизнь провести. Может быть, поздновато задумываться о таком после семидесяти бесполезно прожитых лет, но лучше уж поздно, чем никогда.

III

Он снова присел на поваленное дерево, собираясь с духом, а воспоминания нахлынули на него, прорвав хлипкую плотину, с помощью которой он в свое время пытался хоть как-то запереть их в глубине своего сознания. Теперь, дрожа всем телом, в полном расстройстве мыслей и чувств, Зигмунд уже не мог сдерживать своих эмоций, и недавние события начали вспыхивать в его сознании, как яркие огоньки в болотистой местности, которые уводят случайного путника все дальше и дальше в смертельную топь.

Ему сразу вспомнился образ всегда серьезного Малькольма, его друга детства, с которым они всю жизнь ссорились, ругались, расходились во взглядах, только чтобы в итоге снова сойтись для обмена свежими впечатлениями, которые им подарила жизнь. Так произошло и в последний раз, только причиной их воссоединения стало все ухудшающееся психическое и физиологическое здоровье Зигмунда. Он чувствовал себя хуже день ото дня, голова его раскалывалась, как будто кто-то безжалостный вгонял в нее острые клинья, а душа его горела и как будто просилась на волю. Он плохо спал, плохо ел и в общем и целом плохо жил.

Малькольм и правда смог помочь ему, но лишь на время. Разговоры со старым другом дали хоть какое-то успокоение его мятежной душе, пока из милых обсуждений повседневности не начали выглядывать острые края давних перепалок, осуждений и разногласий. Зигмунд понял, что сделал только хуже, придя в уединенное жилище своего друга, что он только еще больше разбередил свои старые душевные раны. Они оба были уже немолоды, они оба были совершенно оторваны от времени и происходящих в мире событий. Конечно, Малькольм бы никогда в этом не признался, ведь он с головой нырнул в исследовательскую деятельность, построив своеобразную лабораторию в бывшей хижине лесничего. Он жил как самый настоящий отшельник, но был, по его словам, совершенно самодостаточен – он охотился, ловил рыбу, собирал травы, из которых впоследствии готовил различные снадобья и настойки, рубил деревья на дрова для отопления в холодную пору и для готовки, строил новые сооружения различного толка – маленькие сараи и склады, уютные беседки, прохладные погреба, отдельное здание для естествоиспытаний, научных экспериментов и опытов, теплицы рядом с разбитыми неподалеку садами, в которых приносила всякие плоды растущая там флора². . . Когда Зигмунд покидал столь обширные владения, Малькольм как раз загорелся новой идеей сделать загончик для разведения скота. И Зигмунд был уверен, что Малькольм непременно осуществит свои намерения, а пасущаяся там животины будет исправно приносить молоко да мясо. И все будет чрезвычайно вкусным, особенно если сильно не задумываться, что корова была с двумя головами, а свинья почему-то вышла с рогами. Небольшая погрешность, как любил говорить Малькольм, на результат влияет слабо, а внешний вид подлежит корректировке лишь в самую последнюю очередь. Поэтому особо впечатлительных личностей Малькольм не любил – они всегда заслоняли своими эмоциями то, что было действительно важно.

Дом сего почтенного волшебника тоже поражал изящностью и уютом. Своими собственными руками Малькольм произвел внутреннюю отделку дома лесничего, самолично смастерил некоторые детали мебелировки, пристроил парочку этажей, обустроил комнаты таким образом, что ими бы не побрезговали и члены аристократических семей.

Но, несмотря на все это убранство, несмотря на богатое хозяйство и полную самодостаточность хозяина, который жил практически в отрыве от той финансовой модели, что навязало обществу государство, несмотря на это все, Зигмунду все же казалось, что чего-то недоста-

---

² Некоторые из растений никогда ранее не произрастали в лесу, но Малькольм не понимал, зачем природа сама себя ограничивает. По его словам, он помогал миру двигаться в верном направлении. Зигмунд лишь уповал на то, что его друг остановится на опытах в естественной природной среде, а не перейдет куда еще. Например, в политику.

вало. Чего-то очень важного. Он не мог выразить это словами, не мог пояснить свою мысль, но это чувствовалось крайне сильно и отчетливо. И Зигмунд также знал, что если он поймет, в чем кроется эта таинственная неувязка, в чем заключается этот недостающий элемент такого с виду идеально собранного паззла, то даже в таком случае его друг не станет даже слушать. Все идеально, все верно, все идет так, как должно быть, говорил Малькольм. И так все и было, но зачем же делать такой сильный и твердый акцент на фразе «все нормально»?

Зигмунд покачал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Но они более не желали быть в порядке, они метались из стороны в сторону, как будто радуясь, что им наконец дали волю. Все больше огоньков воспоминаний стали возникать в его расстроенном сознании.

Вот он лежит на кровати, совершенно обессиленный, бледный и дрожащий, а Малькольм твердой рукой вливает в него какую-то горькую смесь, из-за которой ему потом становится лучше... Он расслабляется, закрывает свои усталые глаза и медленно забывается сном, как будто падает в бездонную яму, полностью состоящую из тягучей липкой тьмы, что неприятно обволакивает его тело. Его начинают мучать кошмары, кошмары его прошлого, а также самый мучительный кошмар – его безнадежного беспросветного и больного будущего.

Он просыпается уже ночью, хотя мечтал бы уже не просыпаться никогда. Он выходит в сад, босые ноги ступают по аккуратно проложенной дорожке, и он без сил падает на деревянную скамейку. Его узкие пальцы впиваются в его изможденное лицо, которое он кладет на руки, его тело буквально содрогается от наступающих волн адской боли, а сознание пульсирует столь ярко и безжалостно, что он перестает различать себя и остальной мир, ведь весь он в данный момент сосредоточен в комке нестерпимой боли.

Затем мучительные спазмы отступают, оставляя после себя мерзкое послевкусие, а Зигмунд краем глаза замечает стоящего в дверях Малькольма, который пристально наблюдает за ним, задумавшись о чем-то своем. Потом его друг уходит, оставляя Зигмунда в одиночестве, оставляя его в единении с природой, которая после освобождения от боли расцветает мирными красками в его сознании, запахи успокаивают, а ночные звуки животного мира помогают прийти в себя.

Но тут же после минутного душевного успокоения на него накатывает такая сильная волна отчаяния, что невольно он сжимает ровные доски скамейки с такой силой, что костяшки пальцев белеют. На смену сильной физической боли приходит психологическая, приходит та самая хроническая депрессия, от которой в этом мире он никогда не сможет найти лекарства. На глаза в этот момент должны навернуться слезы, он должен хотеть плакать, но и этой роскоши он не может себе позволить. Все слезы давно уже пролиты, его тело и душа буквально иссушены от беспрестанных душевных терзаний, а сам он прекрасно понимает, какое жалкое зрелище из себя представляет – жалкий сломленный старик, который непонятно еще зачем живет на этом свете.

Его жизнь теперь состоит из противоречий, многие из которых он сам себе придумал. Например, он прекрасно понимал, что его старый друг беспокоится о нем, поэтому он и пьет эти бесконечные лекарства, поэтому и соблюдает этот бесполезный режим, поэтому и позволяет себя постоянно обследовать и именно поэтому сейчас Малькольм встал с кровати, чтобы проверить его состояние... Поэтому...

Но Зигмунд одновременно с какой-то новой, свежеприобретенной, даже немного циничной стороны, с которой он раньше никогда не смотрел на вещи, понимал, что тут скрыто и другое. Малькольм изолировался от общества, закрылся от посторонних людей в лесной глуши и, возможно, отгородился и от чувств. Он явно испытывал к своему старому другу нечто теплое, дружеское, Зигмунд чувствовал это, но все это терялось под наносным безразличием и научными изысканиями. Сейчас, именно сейчас Зигмунд был для него никем иным, как объектом для исследования, и, осознавая это, он чувствовал себя как никогда более одиноким.

Конечно, Малькольм хотел помочь ему... Хотел помочь... Но жизнь Зигмунда действительно состояла теперь из одних противоречий. Он понимал, что та зараза, которая мертвой хваткой вцепилась в душу Малькольма, смешала его чувства и мысли таким непостижимым образом, что от самого Малькольма осталось только частичка его прошлого «я». И осталась ли вообще?

И тот же вопрос Зигмунд мог задать и самому себе. Остались ли они вообще людьми после всего этого? Зигмунд не углублялся в вопрос, не хотел этого, он почему-то твердо думал, что лишние знания принесут ему только еще больше разочарований и боли. Но Малькольм, видимо, продолжал что-то искать, а Зигмунд боялся спрашивать о результатах его поисков. Потому что боялся получить вполне очевидный ответ, что его друг увлечен не поиском избавления от их проклятия, а поиском его дальнейшего усиления.

Когда-то давным-давно, когда они были молоды и беспечны, им пришлось прибегнуть к крайнему методу. Беда была лишь в том, что они не знали, что метод этот крайний, они лишь хотели решить свои проблемы. Казалось, что весь мир ополчился против них, и они хотели сразиться с ним, победить... Кто знал, что цена победы была настолько высока? Что лучше каждый день сражаться с тяготами окружающего нас мира, чем сражаться самим с собой?

Малькольм лишь сказал, что согласно записям и манускриптам, которые он отыскал, это ранее звалось темными душами. И теперь они были в их теле, их сознании, добавляя свои темные нотки в грустную песню их существования. Зигмунд далее не слушал, не хотел, не желал слышать ничего больше. Он и так знал достаточно – его жизнь как нормального человека закончилась, и теперь он был обречен на вечные страдания. Какая разница, что явилось причиной? Темные души, светлые души – все это легенды... которые, грустно и одновременно озлобленно думал Зигмунд, не давали и малейшего представления о масштабе бедствия.

Действительно, в университетской библиотеке, в которой он работал и из которой впоследствии сбежал вместе со своим другом, содержались записи подобного толка о существовании нематериальных объектов из чужеродных нас миров, которые, дескать, наделяли их носителя невиданной силой и властью. Были даже записи в легендах, были схожие упоминания даже у некоторых исторических деятелей – Зигмунд еще в молодости тщательно изучил вопрос. И после вселения в него темной души он продолжил свои изыскания, пытаясь отыскать хоть какую-то правду.

Но ее не было. Ничего не было. Кроме страшного проклятья, что обрушилось на их головы. Видимо, Малькольм этого еще не до конца понял, возможно, что он не сдался... Или же наоборот – поддался влиянию своей темной души, которая постепенно завладела его телом и сознанием, несмотря на всю его силу воли.

Зигмунду же страшно было представить, что будет, если полностью отдаться своему непрошеному гостю, если забыть про осторожность и пустить все на самотек. И в то же время снова возникало неприятное противоречие – а что если вся эта осторожность была напрасной? Что если ничего страшного не случится? Как-то ведь люди жили с этими темными душами раньше... И снова противоречие за противоречием... Жили... Раньше... Что такое жизнь? И что такое раньше? И если раньше было, то есть ли сейчас?

Он совершенно запутался и перестал более искать смысл в своей и чужих жизнях. Он поник, сдался и хотел теперь только одного – возможности совершить в своей жизни хоть один окончательный бесповоротный выбор, чтобы потом дальше не думать, не переживать, не подвергаться бесконечным самокопаниям.

И, похоже, что этот выбор постепенно обретал очертания.

Смерть манила его призрачными, но одновременно такими интересными перспективами. Он решил выбрать ее.

IV

Когда-то давно Зигмунд представлял себе смерть как нечто крайне неприятное, но к чему рано или поздно люди приходят, как бы ни старались от этого убежать. И в молодости он вообразил себя лежащим в кровати, слабым и обессиленным, окруженным близкими друзьями. На его лице блуждала бы легкая улыбка, и он бы постепенно смирился с неизбежной кончиной или, что даже лучше, спокойно ждал бы ее, потому что жизнь успела бы ему уже надоесть или он бы чувствовал, что достиг всего, чего хотел, и даже больше.

По статистике мира, в котором он жил, такая картина должна была наступить после шестидесяти лет, если удачное стечение обстоятельств давало человеку крепкое здоровье и, что немаловажно, безопасное окружение. А у него было и то, и другое – он получил свою должность библиотекаря в престижном магическом университете от своего отца по наследству. И эту должность он должен был передать своему ребенку. Так было принято, поэтому традиции с самого рождения оберегали его, если бы он не суетился и остался бы на месте.

Работа была уважаемая, совершенно не пыльная, несмотря на некую ироничность данного высказывания, а также совершенно безопасная. Тебя не могли убить, предать или обмануть, и все потому, что ты был нужен. Своего рода невидимка, который одновременно пользуется всеобщим уважением, но в то же время ничего не значит – эдакий парадокс, оберегаемый временем и университетскими традициями.

Он имел полное право не посещать занятия, да и в этом не было необходимости, благо в его роду не обнаруживалась склонность к магии. Он сам выстраивал свой распорядок дня, выслушивал приказания только от высших чинов, а подчинялся непосредственно Ректору. Он многое знал, многое слышал, но ни с кем ни о чем не говорил. Его полностью устраивало одиночество, и никто не смел его беспокоить без особой на то причины. Слуги помогали наводить порядок в Библиотеке, да и сам порядок преследовал его жизнь – у него было стабильное обеспеченное будущее без каких-либо опасных сюрпризов.

Но затем все резким образом изменилось, да так, что вся картина мироздания не только перевернулась с ног на голову, но также успела провернуться вокруг собственной оси.

Он покинул свой уютный мирок, отказался от своего безопасного будущего и пустился в бег. Но и затем все должно было встать на свои места – опасная дорога, ощущение себя жертвой в большом кровавом мире, беспрестанный суетливый бег от преследований и гонений... Когда-нибудь они должны были встретить свой скорый и плачевный конец. Но они не только выжили, но и, что самое поразительное, продолжали жить, хотя их век по всем законам мироздания должен был подходить к концу.

Обладатели темных душ были прокляты, и это самое проклятье поддерживало в них силы на протяжении долгого времени. *Очень* долгого времени. Это было совершенно не нормально по человеческим меркам, но Зигмунд давно понял, что перестал быть человеком, превратившись в нечто чужеродное, как для себя, так и для окружающего мира. Он давно должен был умереть, сгинуть, слиться всем своим естеством с мирозданием, но, несмотря на все свои мучения и приступы боли, он продолжал жить.

Продолжал жить, несмотря ни на что. Удивительно было и то, что в своем возрасте, если бы он начал следить за собой, ухаживать за своим телом и видом, то случайный прохожий дал бы ему от силы лет сорок. Не больше. И самое страшное, что он, как и Малькольм, казалось, застрял в этом возрасте, он не старел телом – только приобретал печальный жизненный опыт, от которого мечтал бы избавиться.

Разбитый старик в глубине души, и мужчина в расцвете сил в зеркале. Он не мог понять, где правда, а где вымысел, да и в последнее время даже перестал пытаться это сделать.

Особенно после того, как встретил *его*.

V

В тот самый день он встал рано. Его уже несколько ночей подряд мучала бессонница, и он, совершенно разбитый и морально выжатый, решил начать свой день пораньше. Его это очень сильно угнетало, потому что, кроме ежедневных процедур и вконец уже осточертевшего чтения и коротких прогулок, делать было особо нечего. Малькольм запрещал своему другу перенапрягаться, чтобы все процедуры и опыты, которые он проводил, имели схожие параметры. В этом вопросе он был настолько щепетилен, что Зигмунд иногда ощущал себе словно в тюрьме. Наверное, все больницы стараются создать подобную атмосферу, чтобы лечение происходило не в хаотическом порядке, а согласно рецептам и предписаниям. Просто неожиданно и даже немного страшно было превратиться из желанного гостя в своеобразного узника. Зигмунд начинал подозревать, что многие из препаратов, которые он принял в привычку употреблять, имели своей целью сломить волю и дух подопытного, вызвать у него непреодолимое чувство апатии и бессилия. Он даже перестал злиться, что раньше было обычным делом, а его мысли не всегда выстраивались в гармоничную последовательную логическую цепочку, из-за чего он как будто пытался их собрать воедино из разных уголков своего сознания. Он также начинал забывать мелкие детали прошедшего дня, становился рассеянным, а иногда и вовсе на короткое время выпадал из реальности, уставившись в одну точку.

Малькольм с доброй насмешкой напоминал ему про возраст, шутил про так не вовремя подоспевший старческий маразм, утешал своего друга, что штаны он, дескать, еще не забывает надевать. Зигмунд сначала выслушивал эти мягкие подначивания с легкой улыбкой на лице, но затем он стал одергивать себя и, собирая весь свой остаток силы воли, сосредотачиваясь в едином порыве умственного усилия, стал делать для себя не совсем утешительные выводы.

И эти самые выводы только начали находить свое подтверждение в тот самый день.

Спускаясь вниз, он вдруг услышал оживленный говор, доносившийся из гостиной. Зигмунд сильно тогда удивился, потому что гости в такой глуши были событием крайне редким. Возможно, кто-то заблудился, а Малькольм решил по доброте душевной пригласить путника на чай?

Стараясь не шуметь, Зигмунд осторожно подошел к приоткрытой двери и украдкой заглянул внутрь. Еще раньше он бы укорил себя за несоблюдение манер поведения, за подражание сварливым старикам, которые вечно суют нос не в свое дело, но теперь ему было решительно все равно.

Малькольм сидел спиной к нему на своем любимом мягком диване, а напротив него расположился... мальчик лет на вид не больше пятнадцати. И что поразительно, рядом с мальчиком Зигмунд не заметил его родных, взрослых, никого, кому он бы принадлежал. Да и сам парень не выглядел испуганным, потерянным, совершенно наоборот – он держался так, как будто был у себя дома, как будто был на своем месте, ничего не смущаясь и никого не боясь.

Зигмунд так загляделся на этого молодого человека, на его правильные черты лица, на его богатую и со вкусом подобранную одежду, на его уверенные жесты, на его уверенное поведение, что, видимо, перестарался в своем наблюдении. Мальчик словно почувствовал на себе пристальный взгляд старика и поднял голову на входную дверь, что не укрылось от зорких глаз хозяина.

– А, так ты уже встал, Зигмунд? – с дружелюбной улыбкой Малькольм повернулся к двери.

Зигмунд уже не видел смысла таиться. Ему хотелось отступить, скрыться, уйти, спрятаться с глаз долой, но его давнее воспитание говорило ему, что это будет невежливо. Наверное, при такой жизни ему скоро будет плевать на воспитание, думал Зигмунд, ловя добродушный

взгляд своего друга и в глубине души понимая, что это добродушие наносное и что от такого отношения его начинает уже тошнить.

Не смотря на своего друга, Зигмунд решил сосредоточить взгляд на госте. Он открыл дверь и вошел в комнату.

– Да, мне снова не спалось ночью. Прошу прощения за то, что помешал вашему разговору, просто у нас не так часто бывают гости, поэтому... – Зигмунд пытался присесть на короткий табурет неподалеку, но Малькольм быстрым движением схватил его за руку и привлек к себе.

– Нет-нет, мой друг, сейчас не время, не время, – быстро проговорил он, таща Зигмунда к дверям. – Раз ты уже встал, то пора и выпить твое лекарство, давай, вот сюда, проходи...

Зигмунд, чувствуя себя беспомощной, никому не нужной куклой, на прощание оглянулся на мальчика и с удивлением заметил, что тот смотрит на него не растерянно, не смущенно, а с некой хитрой ухмылкой на лице. Он не понимал – то ли он усмехался над столь жалким зрелищем в его лице, то ли... Право же, подумал тогда он, какой же странный ребенок!

VI

Оказалось, что мальчик пришел не один. Вместе с ним была женщина, которая, как сказал Малькольм, нуждалась в неотложном лечении.

Этой женщины Зигмунд не видел, а мальчик проводил все свое свободное время с хозяином дома, не устаивая вниманием Зигмунда. Он тогда как раз подумал – как иронично получилось, что возраст подобрался настолько незаметно и что его последствия не забыли сказаться. Зигмунд вдруг оказался больным, ужасно одиноким, а подрастающая молодежь упорно избегала его общества. Действительно, что он мог предложить мальчику, кроме своих бесчисленных жалоб?

Но он ошибся – мальчик вовсе не избегал его общества. Тогда подтвердилась первая из его догадок.

– Я могу присесть рядом с вами? – вежливо спросил мальчик, подходя к скамейке в саду, на которую не так давно присел Зигмунд, чтобы подышать свежим воздухом и посмотреть на цветы.

Почему-то ему никогда не надоедало смотреть на цветы. Жалко было лишь то, что Малькольм запрещал ему проводить слишком много времени вне дома.

– Да? – Зигмунд удивленно посмотрел на своего так неожиданно появившегося собеседника, не сразу сообразив, как стоит ответить. – А... да, конечно, присаживайтесь.

Потом он с легкой усмешкой вспоминал, что в тот момент подобающе было крикнуть, сделать присказку «молодой человек», а также начать в ту же секунду, не спрашивая разрешения, рассказывать какую-то небылицу из своего прошлого.

Но удивление спасло Зигмунда от подобного позора, поэтому он лишь приглашающим жестом указал мальчику на место рядом с собой.

Тут же у него возник вопрос, и тут же, словно угадывая ход его разрозненных неторопливых мыслей, мальчик сказал:

– Малькольм сейчас занят своей пациенткой, просил не мешать. А я подумал, что как раз выдался чудесный момент, чтобы познакомиться с вами.

И мальчик с простым и незамысловатым выражением на лице посмотрел на старика.

– Что ж... – начал Зигмунд.

Он хотел добавить «дело верное», но вовремя сумел одернуть себя.

– Нас ранее не представили, и я как раз хотел восполнить этот досадный пробел. Меня зовут Келен, – и он протянул свою маленькую ручку собеседнику.

– Зигмунд, – просто ответил ему старик, мягко пожав руку молодого человека.

– А мою спутницу зовут Фрея. Мы приехали сюда на несколько дней ради целительных процедур, которые мастер Малькольм столь любезно согласился подготовить.

У Зигмунда в голове крутилось столь много вопросов, что он решил самой верной стратегией будет просто помолчать. Благо одним из вопросов был... кем приходится эта женщина ему? Мать или опекунша?

Зигмунд поражался сам себе. В молодости столь ненужная информация никогда не попадала в поле его интересов. Интересно, все старики становятся настолько мелочными и придиричливыми? Любопытными?

Или он просто заскучал и вконец оступел и одичал от затворничества и одиночества?

– Понятно, – сказал Зигмунд, чтобы хоть что-то сказать.

Разговор явно не клеился, и это была его вина. Он виновато посмотрел на мальчика, ожидая увидеть недовольство, и был поражен – выражение его лица снова изменилось. Теперь он беззастенчиво и нагло рассматривал своего собеседника, как будто Зигмунд был неким животным в заповеднике.

Возможно, что так оно и было для молодого человека. Но Зигмунду это не понравилось, поэтому его взгляд и тон стали прохладнее.

– Так вы знаете Малькольма? Точнее... *ваша* спутница знает его? – с расстановкой задал Зигмунд свой вопрос, делая акцент на возраст мальчика.

Келен понял намек, но не повел и бровью. Вместо этого он, пожав плечами, равнодушным голосом произнес:

– Боюсь, что я узнал его много раньше, и, несомненно, это было полезным знакомством... в *свое* время, – и с этими словами мальчик посмотрел прямо в глаза старика.

– В свое время? – Зигмунд запнулся, не понимая, куда идет беседа. – Вы говорите, что...

Он замолчал, пытаясь привести мысли в порядок. Мальчик, заметив это, тут же пришел на выручку.

– Я полагаю, что вы не знаете, что Малькольм вам еще не сказал. Но я действительно знаю вашего друга... а точнее, – произнес мальчик, улыбаясь, – мы познакомились с ним несколько десятков лет тому назад.

Старик слегка улыбнулся, все еще ничего не понимая.

– Я боюсь показаться невежливым, но ваш возраст... – начал он, но мальчик его быстро перебил.

– Я несу в себе темную душу, Зигмунд. Так же, как и ты.

VII

Он отнял руки от лица и тяжело вздохнул. Он вспомнил, как в одной книге упоминался эффект прокрастинации. Ты откладываешь дела, если у тебя их накопилось слишком много или когда тебе совершенно не хочется приступить к этим самым делам. В сознании формируется некий затор, препятствующий дальнейшему нормальному функционированию, а также создаются иллюзорно полезные дела, которые оттягивают тебя от важного. Ты можешь бесконечное количество времени приводить себя в порядок, приводить в порядок окружение (что обычно свойственно женщинам) либо сесть на диван и уставиться в одну точку, погружившись в свои мрачные мысли, постепенно впадая в липкое состояние тревожности.

Зигмунд еще раз быстро обдумал эту теорию и в который раз понял, что не очень хочет умирать. То есть другое – не хочет предпринимать никаких активных действий, которые будут постепенно приближать его к состоянию, близкому к смерти.

Но он также понимал, что умереть в его положении было крайне важно, ибо продолжать жизнь в подобном русле было попросту невыносимо. И вот он застрял между жизнью и смертью в своеобразном сущностном парадоксе.

Зигмунд усмехнулся. Кто знал, что на практике прокрастинация иногда может спасти жизнь человеку?

Он встал и отряхнулся, приходя в себя. Да, кто знал. Жаль только, что он зашел уже слишком далеко и что он... не человек.

Да, лучше думать о себе не как о живом существе, а как о жизненном придатке. Тогда смерть будет казаться совершенно логическим исходом.

Ничтожество.

Но слезы почему-то больше не наворачивались на глаза. Может быть, они давно закончились или ему уже порядком надоело жалеть себя. Он снова улыбнулся про себя, подумав, какое множество манипуляций проделывает его сознание, чтобы оставить его в живых.

Он почувствовал, как снова погружается в неприятное ему состояние апатии, и попытался мысленно это состояние разрушить.

Не получилось.

Тогда он перестроил сознание, сделал обманный финт, закрутил мысли и... сделал шаг вперед.

Ему стало невероятным образом лучше, хотя он тут же почувствовал, как все его тело покрылось испариной. Не желая терять момента, он смешал в себе подступившие чувства радости, отчаяния, смирения, ужаса и уныния в единое бесформенное нечто и сделал еще один шаг. И еще один.

Он понимал, что это лишь кратковременная победа над самим собой, ибо сознание теперь может сосредоточиться на беспрестанной ходьбе, унося его прочь от цели. Конечно, если пройти по деревушке в этом костюме, то какой-либо эффект непременно произойдет, но не было никакой уверенности, что он не побежит прочь от этого эффекта, оставляя позади удивленные физиономии случайных наблюдателей.

Улыбка опять появилась на его лице, когда он представил, какие обсуждения среди деревенских вызовов быстро пробегающий мимо них *аудитор* с паническим выражением на лице. Он хотел было рассмеяться, но, к счастью, быстро распознал признаки подступающей истерики. Эта истерика была внутренней, сильной, свойственной только мужчинам, и он должен был подавить ее в зародыше, чтобы его недолгое путешествие не окончилось ничем.

Мечущийся взгляд остановился на кроне дерева неподалеку, и он подумал, как изо всех сил обрушивается головой об это дерево, пытаясь привести себя тем самым в чувство. Но

он также знал, что это было бесполезно. Физическое самобичевание приведет его к другому ракурсу мировосприятия, отложив на потом все его текущие заботы.

Несмотря на подступившее дикое чувство отчаяния, он могучим усилием воли сдержал свои дрожащие руки, которые все норовили тотчас же расцарапать его лицо, выдавить ему глаза, причинить нестерпимую физическую боль, затемнив тем самым душевную.

Он сопротивлялся. Настал черед панических атак, которые были очень свойственны его преклонному возрасту. Они словно кувалдой долбили по его психике, сотрясая основы мировосприятия. Но он держался. Знал, что дальше будет только хуже, готовился к этому.

Сильная дрожь вдруг налетела на его слабое тело, заставляя найти опору или упасть на колени. Но он непоколебимо стоял на месте, с трудом сохраняя прежнюю позу и с титаническим усилием сохраняя прежние мысли.

Его сердце вдруг начало нестерпимо болеть, невидимые иглы стали прокалывать его с таким остервенением, что вся зелень вокруг вмиг стала казаться ему кроваво-красной.

Стала кружиться голова, жутко хотелось плевать лишней слюной, мерзкие приступы тошноты подкатывали к горлу.

Но он стоял, как мог очистив сознание от посторонних мыслей, закрыв глаза и думая лишь о своей вожденной цели. Он до крайности жалел, что десятки лет назад не отправился искать таинственных, описанных в старинных легендах монахов или попросту не примкнул к существующей религии. Теперь, он знал, было уже поздно, и его рациональное мышление не позволит искренне принять в себя веру, а его агностические взгляды на корню убьют все светлое в его душе... Но он жалел об этом, очень жалел.

Потому что так было бы гораздо проще. Не зря же говорили и писали о фанатиках – они с легкостью отделяли свой дух от тела, потому что верили в нечто лучшее, чем этот мир или они сами.

Зигмунд более не верил ни во что, разве что в практические знания. Но они никак не помогали в его духовной борьбе за свою свободу, они были бесполезны там, куда не могли дотянуться.

Боль, отчаяние, эмоциональное напряжение достигли своего нестерпимого максимума. Сердце, казалось, разрывалось от мучительных спазмов, но он знал, что это лишь притворство, что он останется цел и невредим, что то темное *нечто*, держащее его в своих цепких лапах, никогда не отпустит его просто так.

Сжав зубы и напрягая все свое старческое тело, он постарался сделать еще один шаг вперед. А затем еще. И еще...

И вот когда он с ужасом осознал, что остался совершенно без сил и без какой-либо даже призрачной надежды на благоприятное для него будущее, он почувствовал, как нечто легкое прикоснулось к его плечу. Боль неожиданно отступила, а сознание приобрело некую ясность.

Как раз вовремя. Как и всегда, впрочем.

Он с благодарностью взглянул на своего ворона.

Старый друг.

И пусть он не был человеком, но в последнее время люди несли за собой одно разочарование.

Ворон призывно каркнул, бодро расправляя свои большие черные крылья, словно отгоняя от себя и своего хозяина злые силы.

– Да-да, мой друг, – с улыбкой произнес Зигмунд. – Я помню. Я же дал сам себе обещание. Попробовать что-то новое.

Ворон снова каркнул.

– Потому что старое не работает. Или потому что мы с тобой так стары, что бывшие нормы утрачивают свою привлекательность и важность?

Птица внимательно посмотрела на Зигмунда и, оттолкнувшись от его плеча, взлетела по направлению к деревне.

– Ты прав, – тихо проговорил Зигмунд, смотря вслед ворону. – Абсолютно прав. Мне тоже надо расправить крылья и жить своей жизнью. Пусть даже эти попытки и закончатся смертью. Пусть даже эти попытки будут общественно неприемлемы. Мы будем просто пытаться. Не во имя чего-то великого, потому что мы ни во что не верим. Просто пытаться. Хотя бы ради себя.

VIII

Решительной поступью поддельный аудитор направлялся к центру небольшого поселения. Именно там находился дом старосты, и именно там Зигмунд решил начать то, что хотел закончить.

Он ступал нарочито медленно, стараясь не прислушиваться к громкому стуку своего сердца. Он настроил сознание на определенную волну и пытался удержаться на ее гребне, заставляя себя не думать, что случится, если он не удержит равновесие. Из-за подступившего удушающего страха и общего душевного дискомфорта он не мог слиться воедино с этой искусственно созданной волной своего воспаленного сознания, но сейчас ему было достаточно просто идти вперед, не пуская в голову мешающие действиям мысли. Просто идти вперед с пустым, но сосредоточенным сознанием и делать то, что нужно, не останавливаясь ни перед чем.

Легче сказать, чем сделать, подумал было Зигмунд, но тут же резко одернул себя.

В свои преклонные годы он понимал, что если идти куда-то быстро и уверенно, то люди могут тебя и не заметить. Пропустить тебя через сито своего занятого мировосприятия и не обратить на тебя внимания из-за крайне апатичного и тоскливого настроения.

Но сейчас у него была иная стратегия, поэтому он силой заставлял себя медленно и деловито прогуливаться по единственной улице богами забытого поселения, лениво и небрежно оглядывая скучное серое окружение. Его глаза встречались с рассеянными взглядами деревенщин, робко осматривающих строго одетого незнакомца. Он важно взирал на них, мельком выхватывая скудные эмоции, которые медленно начинали проявляться на их лицах, и продолжал идти к единственному прилично выглядящему дому среди множества покосившихся построек.

Но все происходило все равно чересчур быстро. А что если его не встретят, и ему придется околачиваться с дурацким выражением на лице у дома деревенского старосты? Конечно, из этой ситуации можно выйти, но все равно удобнее входить в чужое тебе пространство, если ты обладаешь необходимыми знаниями, чтобы тебя мгновенно признавали своим и не мерили чересчур подозрительными взглядами. Эдакие ключевые слова, жесты, движения, которые выдают в тебе человека грамотного, подкованного, знающего. Ведь к каждому человеку нужно иметь свой подход, начиная даже с выбора нужной формы приветствия, правильно определяя, к какой социальной группе принадлежит та или иная персона. В каждое здание или общество нужно входить с определенным уставом, определяющим подобающее поведение.

Именно все эти знания и могут помочь тебе пройти первичную акклиматизацию в новой социальной среде, когда окружающие тебя незнакомые люди быстро решают, что выбрать по отношению к тебе – вежливую снисходительность или холодную агрессию.

Часто помогает и сила, то есть умение прогибать действительность под себя. И аудиторы, которые в весьма своеобразном и жестком ключе работали с нерадивым населением, несомненно, обладали этим силовым качеством, а также абсолютной уверенностью в себе, презрением к окружающим и своим профессиональным кодексом чести, заменяющим у них обычный светский этикет. Все это в своей интересной совокупности сразу давало понять Зигмунду, что аудитор из него будет никудышный – он был слаб и немощен, путешествовал без компании или сопровождения, уверенность его в себе была лишь напускная, но никак не внутренняя, его профессиональное и четкое общение с людьми оставляло желать лучшего, а если уж брать тот факт, что все аудиторы работали сугубо в правовом поле, являясь государственными служащими, и вовсе не оставляло никаких шансов на благоприятный исход дела, если кто-то догадается спросить у Зигмунда документы.

Но все это на самом деле было совершенно не важно. Своими безумными действиями он лишь пытался пробить душащий его депрессивный туман, который затмил его сознание,

вгоняя его душу в отчаяние, апатию и желание свести счеты с жизнью. У него не было теперь ни целей, ни смысла существования – лишь попытка закопать себя в новом жизненном мироощущении. И только чувство, которое приближает смерть, либо сама эта таинственная смерть могла заставить его хоть на толику мгновения почувствовать себя свободным от гнетущих его оков безрадостного бытия.

В глубине души, как признавался себе Зигмунд, он еще надеялся получить хоть какое-то удовольствие от процесса, а оно было возможно только при продлении этого самого процесса. Поэтому он решил не лениться хотя бы мысленно и хоть чуть-чуть подумать над той безумной задачей, что он сам себе загадал.

Да, определенно, в нем не было ничего от аудитора, кроме прекрасно скроенного костюма, который в данный момент он с легкой гордостью носил. Но и это многое значило, ведь он притворялся не плотником, не богатым вельможей, а самым аудитором. Даже если бы он переоделся в короля, то и это была бы меньшая дерзость, настолько был велик страх перед этими таинственными проверяющими.

Итак, только сумасшедший согласится выдавать себя за аудитора. И люди встречают по одежке, следовательно, они будут видеть того, кого выдают им глаза.

Также очень важно обратить свои многочисленные минусы в хоть какие-то плюсы. Действительно, аудиторы крайне редко будут перемещаться по королевству пешком, а тем более одни. Это, несомненно, вызовет сильное удивление. Но давайте подумаем об этом с другой стороны – если человек появляется перед вами, не имея за собой никакого коня, поклажи, ни даже походной сумки, то мозг логично, хоть и поверхностно, донесет до вас, что этот незнакомец проделал весь путь в этом самом виде. То есть даже если он переоделся в аудитора, он, не стеснясь, притворится им на протяжении целого дня или даже больше. А кому нужно притворяться аудитором, кроме самого аудитора?

На самом деле и этого было мало. Но это давало призрачный шанс, что окружающие не сразу будут бить тревогу, а начнут хотя бы интересоваться. И Зигмунд очень надеялся, что его действия заинтересуют их в правильных и выгодных ему вопросах, потому что ни документов, ни какого-либо оправдания их отсутствия у него не было.

И если первичный эффект удивления и страха перед неизвестным даст Зигмунду хоть немного времени, то его можно будет грамотно употребить в дальнейшем, чтобы войти в незнакомое ему общество с помощью ключевых слов. Эти самые слова Зигмунд, конечно же, не знал, но он надеялся, что люди сами ему их подскажут, когда он заговорит про недавнюю напасть, что обрушилась на деревню. Маленькое, но внушительное вступление, серьезный вид, а затем люди сами будут неловко предлагать ему варианты дальнейших действий, из которых Зигмунд должен будет быстро и жестко сделать выбор, притворяясь, что такой вариант у него и был в голове с самого начала. Эдакий психологический прием, когда люди сами говорят вам необходимые вещи, а вы лишь подтверждаете их уточнения, принимая их за единственно верное решение, которое, причем, принадлежит вам, а не им.

Но ему все еще необходимо было выиграть время. Он обратился к мужику, мимо которого в данный момент вальяжно прогуливался, небрежно взирая на окружающее пространство.

– Уважаемый, – властно окрикнул Зигмунд мужика. – Это деревня Бюргенверт?

– Д...да, господин, она самая, – неловко переминаясь с ноги на ногу, ответил мужик.

– Где тут дом старосты? У меня к нему дело, – сухо спросил Зигмунд у деревенщины, презрительно окидывая того взглядом с ног до головы.

– А... вы почти дошли, господин. Дальше по дороге, видите, дом неподалеку стоит? Эт главы нашенского, деревни то бишь.

Зигмунд посмотрел на указанный дом, как будто первый раз его видел, и, не поблагодарив мужика, продолжил свое торжественное шествие по направлению к центру небольшой деревушки.

На мгновение у него в голове словно зазвонил тревожный колокольчик. Он собрал волю в кулак, неприятно предвкушая паническую атаку, которая бы обрушилась на его неподготовленный разум, но с удивлением отметил, что это было нечто другое. Это касалось не его волнения, а... тревоги или даже нервозности другого человека. Он буквально ощущал на себе пыливый взгляд того самого мужика, которого недавно опрашивал, и ненароком начал думать, что его раскусили. Но нет, было не похоже.

Тогда он начал прокручивать их короткий разговор еще раз в голове. Что-то явно привлекло его внимание... но что?

Ему пришлось отбросить столь интересные рассуждения, потому что он, наконец, пришел к тому самому месту, куда устремлялся. И тут же с облегчением отметил, что его ждали.

Что ж, начало хорошее, хоть не придется у дверей топтаться.

Крепко сбитый мужчина средних лет, чьи волосы только недавно начала захватывать седина, стоял, опершись своими загорелыми руками о перила расписного крыльца. Он настороженно взирал на незнакомца, который вторгся в его владения, одна его рука то сжималась в кулак, то снова разжималась.

Зигмунд ощущал на себе не только его взгляд из-под кустистых бровей, вся деревня смотрела на него. Казалось, что кольцо сжимается, не оставляя ему шанса на ошибку. Почему-то именно в этот момент Зигмунду стало слегка весело. Вероятно, легкая эйфория, вызванная панической истерикой, ударила в голову. Но это все равно ощущалось приятно.

– Господин аудитор, – гулким голосом отозвался староста деревни. – Не часто у нас бывают такие гости.

После такого приветствия Зигмунд понял, что его шансы на выживание стремительно упали в одно простое мгновение. После этого ему стало еще веселее. Он презрительно и высокомерно улыбнулся.

– Тогда вы прекрасно знаете, *господин*, – Зигмунд постарался сделать ударение на последнем слове, особенным неприятным тоном выделив его значение в том смысле, что настоящим господином может быть лишь один человек, и это был никак не староста, – что люди нашей профессии никогда не бывают у кого-то в гостях *просто так*.

И он снова выделил последние слова, стараясь вложить в них многогранное значение.

Кустистые брови старосты поползли вверх.

– Да? И чем наша скромная деревня может вам служить, господин... – спросил староста, пытаясь одновременно узнать имя незнакомца.

Зигмунд неловко сглотнул. Он успел прочитать в глазах своего собеседника, что тот не боится словесных угроз, не преувеличивает значение напускного величия, если оно не подкреплено делами. Крепкий практический человек, который не имеет никакого желания склоняться перед идеей. Поэтому-то в деревне Зигмунд и не заметил никакой церквушки... или причина была совсем в ином?

– Проклятие. Меня и моего хозяина, Виллема Пятого, интересует тот самый случай, что произошел у вас в деревне. С моей стороны я требую немедленного дозволения начать расследование, чтобы подтвердить или опровергнуть слухи, которые достигли моего хозяина, – быстро выпалил Зигмунд, решив сразу взять быка за рога.

Своего имени он решил пока не называть.

– Слухи? – тихо, но как-то злобно переспросил деревенский глава.

Зигмунд краем уха услышал перешептывания вокруг себя.

– Могу ли я поинтересоваться, господин... – староста сделал еще одну попытку.

– Меня зовут Зигмунд. Аудитор его королевского величества Виллема Пятого, чья власть несомненно распространяется и на эти земли.

– Воистину, господин Зигмунд, слухи распространяются словно лесной пожар. Но осмелюсь ли я спросить у вас, о каком роде слухах идет речь?

Зигмунд сухо кивнул, не отрывая взгляда своих колючих пронзительных глаз от лица собеседника.

– Оборотень, – коротко произнес он.

Перешептывания усилились, стали слышны даже отдельные слова. Но, несмотря на нарастающий людской гул, староста не пошевелился, не издал ни звука, не изменил выражения своего лица. Он лишь продолжал смотреть на аудитора. А Зигмунд на него.

Казалось, что прошла целая вечность перед тем, как староста поднял руку, единственным движением прекращая разговоры и болтовню.

– Конечно, господин Зигмунд. Вам будет предоставлено все необходимое для проведения расследования, мой долг перед государем оказать вам посильную помощь. Прошу прощения за мою настороженность, я лишь удивлялся, насколько быстро те слухи, что вы упоминали, достигли нашего с вами государя. И насколько быстро вы... оказались здесь, – прохладно заметил староста.

Это явно был открытый человек. И сейчас он явно выражал свое недовольство и недоверие по отношению к Зигмунду. Надо было что-то срочно предпринимать.

– Наш государь крайне озабочен внутренними делами королевства. Именно поэтому я был прислан к вам как можно скорее, ибо сама даже гипотетическая угроза существования подобного чудища... нелицеприятна.

Староста угрюмо кивнул.

– Поговорим об этом лучше внутри. Если вы надумаете задержаться на несколько дней, то вам будет предоставлена свободная комната и все необходимые условия.

Староста уже было повернулся, приглашая столь неожиданного гостя в дом, но тут же неожиданно произнес:

– Ваш конь и ваши вещи, господин? Вы же не пешком прибыли сюда из замка? – угрожающим тоном спросил староста.

Но Зигмунд был готов к подобному рода вопросам. Он первый раз за всю встречу позволил себе улыбнуться.

– Все верно. Вы правильно заметили, что я объявился у вас довольно быстро, а конь, даже лучший, не может покрыть столь длинное расстояние даже за три дня. Ваша деревня находится практически на границе королевства, а предполагаемая угроза имеет столь важное значение, что медлить было нельзя. Поэтому...

Зигмунд отвел руку в сторону, сосредотачивая свое сознание. Ему в первый раз за долгое время было настолько весело, что необходимая ему связь настроилась сама собой, без каких-либо видимых усилий.

Вдруг в небе раздалась магическая вспышка, которая на мгновение осветила всех собравшихся здесь удивленных людей, а затем черный вихрь размером со взрослого человека устремился вниз, прямоком на толпу. Кто-то закричал, началась небольшая давка, а староста невольно отпрянул ближе к двери, когда увидел, как магическое черное облако поглотило аудитора.

Через несколько мгновений темнота рассеялась, распалась на множество красивых, переливающихся всеми оттенками черного элементов. Люди испуганно вскрикивали, когда эти темные частички падали на их головы, щекотали их лица.

Староста с ужасом посмотрел на руку, но тут же его лицо прояснилось, и он с легким негодованием, но одновременно с уважением посмотрел на Зигмунда.

Аудитор торжествующе стоял посередине творящегося хаоса, держа на вытянутой руке огромного ворона, который переливался магическим светом.

– Не бойтесь! – воскликнул Зигмунд, насмешливо улыбаясь. – Это всего лишь перья, они не навредят вам!

Он выдержал легкую паузу и продолжил:

– Вы правы, я не пришел пешком. И также я не приехал на лошади. Государь, услышав про вашу проблему, счел нужным послать вам аудитора высокого ранга, и я, не теряя лишнего времени и не беря ничего лишнего в дорогу, прибыл к вам. Я полностью полагаюсь на вашу поддержку и всецело уверяю вас, что я не намереваюсь пользоваться вашим гостеприимством больше, чем это нужно для дела.

Зигмунд победоносно взглянул на слегка побледневшего старосту, в чьих глазах он прочел, что теперь с государственным аудитором будут считаться.

Когда Зигмунд входил в дом, он почувствовал, как его сознание вновь начало работать как тревожные колокольчики – не слышимые ранее за бушующим азартом игры в блеф, теперь они всю оповещали о своем присутствии.

Волевым усилием он приказал им успокоиться и доложить самые важные новости. У сознания было не так много времени, поэтому новостей получилось две.

Первая – староста никоим образом не опроверг и даже не попытался скрыть наличие оборотня. Вопрос «и что теперь делать, господин псевдоаудитор?» Зигмунд постарался на время отложить.

Вторая – тот самый мужик... Напоследок оглянувшись на толпу, что собралась вокруг дома старосты, и его неопытному, несосредоточенному взгляду чудом удалось выхватить того самого первого встречного в этой деревне. Мужчина яростными глазами смотрел им вслед, сжимая в побледневшем от усилия кулаке перо ворона.

И тут Зигмунд понял, что по собственному желанию угодил в абсолютно неприкрытый капкан. Ступил в ловушку, которая с неприятным звуком захлопнулась за ним.

Но ведь именно этого он и добивался, так?

Через некоторое время люди уже поуспокоились и начали расходиться по своим деревенским делам, по пути судача о случившемся.

Тот самый мужик еще недолго постоял, а затем с размаху бросил перо о землю, яростно втоптал его в пыль. Смачно плюнув в сторону дома главы деревни, он еще недолго постоял на одном месте, а после этого повернулся кругом и пошел прочь, ругаясь себе под нос.

Ворон, более не сверкая магическим блеском, удобно уселся на крыше дома старосты и с интересом смотрел вслед мужику. В таком положении он просидел еще некоторое время, а когда на землю опустились сумерки, поднялся и улетел в неизвестном направлении, сливаясь с темнотой наступающей ночи.

IX

Жена старосты, женщина с испуганным и суетливым выражением на лице, быстро показала Зигмунду его комнату, участливо спросила про багаж и, получив резкий и немногословный ответ, поспешно ретировалась в направлении кухни, где ее дребезжащий голос отдавал последние распоряжения.

Близилось время обеда, чему Зигмунд был очень рад. Физиологические удовольствия не часто входили в его распорядок дня, и он решил воспользоваться удачным моментом по полной. Одобрительным взглядом осмотрев свою простую в убранстве комнатушку, он нашел ее приятной. Другого слова он подобрать не мог, ведь оно выражало весь спектр ощущений перехода от ночлега на камнях или мокром мхе под открытым небом к сверхкомфортным условиям, которые только могла предоставить бедная деревушка.

Он притворил входную дверь и слегка улыбнулся. Нужно еще будет аккуратно спросить про ванную или баню, пусть это и вызовет ненужные подозрения. Но удобства бытия всегда довели над чувством собственной безопасности, особенно если ты уже пресытился бежать от жизненных невзгод и от самого себя.

Степенно и важно он спустился по лестнице и прошел в импровизированную столовую, где за небольшим столиком его уже поджидал Брендон (так звали старосту). Простым движением руки мужчина показал на место напротив себя, и Зигмунд сел, на секунду застыв в липкой неопределенности, не зная, как вести себя в подобной ситуации дальше.

Усилием воли он постарался совладать с собой, но неприятная ситуация тут же разрешилась, когда жена вместе с сутулым неказистым молодым человеком, хлопоча, вбежали в комнату, поспешно расставляя различные подносы с разнообразными яствами.

Зигмунд удивился приятному многообразию еды. Тут были и соленья, и простые овощные салаты, приправленные свежим маслом, и крепкий квас, в котором затесалось несколько градусов, и нежное отборное сало, и белоснежный отварной картофель, и кровяные колбаски, сочные и мясистые, и хлеб, душистый и приятно прожаренный, и кастрюля с ароматным супом, от которого исходил жаркий вкусный запах, и компоты от свежесобранных ягод... А в центре стола, как будто ненароком там затесавшись, но одновременно уверенно и помпезно выглядывая из бесчисленного ряда тарелок, стояла одинокая бутылка водки. Бутылка, что примечательно, нераспечатанная и словно прибереженная для особого события.

Да и весь стол, хоть и видимо собранный на скорую руку, выдавал в себе некоторую ноту торжества, а желание угодить как будто витало в воздухе. Хозяин дома одобрительно кивнул, взглянув на сей импровизированный пир (видно было, что они решили воспользоваться всеми имеющимися запасами, чтобы оказать достойное уважение дорогому гостю), а его жена, все еще стоя рядом со столом, неловко переминалась с ноги на ногу, заметно нервничая, и, глупо улыбаясь, смотрела в пространство.

Зигмунд вначале решил обойти вниманием этот старательный акт гостеприимства, но затем некое давно позабытое чувство взяло над ним вверх, и он, немного смутившись, поблагодарил хозяев за столь радушный прием.

Потом, думая об этом столь внезапно возникшем чувстве, он пытался найти ему подходящую ассоциацию, но в голову пришло лишь одно соответствующее слово – забота. Причем соответствовало оно его душевному настрою, но никак не ситуации. Ведь никогда он не мог подумать, что заботиться о нем будут абсолютно чужие, даже враждебные ему люди, которых он нагло и бесстыдно обманывал.

Но они это делали, и их нужно было отблагодарить. Пусть потом именно они вонзят ему нож в спину, но здесь и сейчас он обязан быть принципиально вежливым.

– Я благодарю вас за оказанное гостеприимство, а также за столь богатое угощение. Но я хочу отметить, что я здесь нахожусь с важным государственным заданием, которое займет у меня неопределенное время, поэтому я не хочу, чтобы во время моего чрезвычайного расследования вы расточали столь много сил на заботу о моей персоне. Мне достаточно будет есть то, что едите и вы, а находиться в стесненных, я бы даже сказал скудных, обстоятельствах нас принуждает сама наша работа, наш образ деятельности, к которому мы давно привыкли...

– А я смею заверить вас, господин аудитор, – мягко и обходительно перебил его староста, – что это нам нисколько не затруднительно и что, если честно признать, примерно то же самое мы едим день ото дня. Мы не бедствуем, господин...

– Прощу, зовите меня просто Зигмунд, хотя бы на время расследования. Так будет гораздо проще, – елеинным голосом попросил аудитор.

– Хорошо. Так вот... Зигмунд... мы, как я уже сказал, не бедствуем и будем рады разделить с вами нашу еду и наш дом. На время вашего расследования, разумеется, – его твердый взгляд уставился на Зигмунда.

Но аудитор даже не смутился и ответил на этот взгляд легкой улыбкой.

– Разумеется, – подтвердил Зигмунд.

После этого Брендон бросил сердитый взгляд на свою жену, и та поспешно села рядом с мужем. Разговор мужчин вначале не клеился, но они нашли хлипкий плацдарм для общения в виде обсуждения еды, погоды и немножко политики. Женщина старалась также вставить свое слово, но постоянно получалось невпазд, за что она одаривалась жесткими словами со стороны мужа. Чтобы не усугублять ситуацию своей постепенно возрастающей нервозностью, она нашла себе занятие в освобождении стола от ненужных блюд, а затем и освобождении комнаты от своего столь ненужного присутствия.

Оставшись наедине, так и не подружившиеся мужчины мучительным взором уставились на стоящую в центре стола бутылку водки, но после быстрого совещания было решено, что не здесь и не сейчас. Как-нибудь потом, когда настанет подходящий для этого момент.

Когда настроение будет расцветать в унисон с радостно бьющимся сердцем. Когда спокойствие и душевное умиротворение будут призывать собеседников к излиянию своих самых сокровенных секретов.

Тогда и можно будет распить столь чудесный напиток, который в этом королевстве стоил немалую сумму.

Зигмунд довольно откинулся на спинку стула. Разумеется, хозяин уже отметил его небывалую прожорливость (пусть староста и не особо от него отставал), несвойственную финансовым сотрудникам. Они всегда ели мало, изящно и церемонно. Как напыщенные индюки с крайне раздутым чувством собственного достоинства, но сжатым от постоянных нервов и стрессов желудком.

Но Зигмунду было уже все равно, что о нем подумают. Он хотел есть, и он ел. Ему почему-то именно в этот прекрасный момент полного физиологического удовлетворения пришла в голову блестящая мысль, что жить надо проще, что жить надо веселее. Он понимал, что мысль эта была поверхностной и что она довольно скоро растворится в тягучем мраке депрессии и чувстве неудовлетворенности собственной персоной.

Но сейчас, вот именно сейчас, ему было очень хорошо.

Староста мягко прервал его мысли, спросив, не желает ли он десерта. И Зигмунд не отказался. Да-да, подумал он, именно десерта.

Он очень хотел сладкого. В лесу ворон никак не мог притащить ему пирожков в своем большом клюве.

Сам того не замечая, он неожиданно оказался сидящим на стуле в просторной светлой крытой веранде, которая ярко и нежно освещалась лучами постепенно заходящего солнца. Ему принесли золотистый натуральный мед, налитый в изящную старинную фарфоровую вазочку,

мягкие пышные и чрезвычайно вкусные сдобные булочки, которые так идеально подходили к меду, а также выдержанный и идеально заваренный зеленый чай, который так приятно обжигал желудок.

И, что было совсем замечательно, оставили его одного.

Да, они были правы. Они точно не бедствовали.

Он чувствовал себя абсолютно счастливым. Еще никогда прежде он не чувствовал себя настолько хорошо. Даже постоянная головная боль, и та, казалось, отступила под натиском бескрайнего наслаждения и душевного умиротворения. Хотелось просто закрыть глаза, запечатлеть этот момент в душе и повторять его вечно, слиться с ним воедино, обрета бесконечную гармонию в душе.

Он съел весь мед. И все булочки. И выпил чай досуха.

Это было уже через край, слишком много, и он понимал, что они это заметят. Точно заметят, как он с удовольствием наливал и пил пенистый квас, как компот прямо вместе с ягодами молниеносно испарялся из чашки, как колбаски исчезали, а картошка старательно подчищалась, как звонко хрустели маринованные огурчики и как мерно шелестели уплетаемые листики салата.

А потом еще и мед. И булочки. И чай.

И он бы не отказался еще от чего-нибудь. Да-да, не отказался бы, пусть и так было очень и очень хорошо.

Он не заметил, как задремал. Его разбудила участливая хозяйка, которая о чем-то спрашивала, а он в полусне заметил лишь, что солнце уже пропало с горизонта, погрузив мирное окружение во временную благодатную тьму.

– Да... простите меня, я... – начал было Зигмунд.

– Ничего страшного, боже правый, что вы говорите, – залепетала женщина. – Вы же устали с дороги, не утруждайте себя...

– Нет... – язык у аудитора заплетался, нехотя выплевывая нужные слова. – Дорога была вовсе не долгой, просто я сегодня встал очень рано, да и эти многочисленные государственные дела...

– Конечно-конечно, – женщина, как мельница, замотала головой. – Столько дел, вовсе не понимаю, как вы успеваете со всем справляться! Уже почти ночь на дворе, господин, не изволите ли...

И она радушно вызвалась проводить Зигмунда до его спальни. По пути он попросил показать уборную.

Бытовые вопросы, лениво подумал Зигмунд, тяжело ложась в кровать. Совершенно не совместимые с его показной должностью.

Так нельзя, сказал он себе, закрывая свои сонные глаза. Они еще посоветуются ночью, а утром совершенно точно придут к выводу, что никакой он не аудитор. Или уже догадались.

Какая разница? Он же и правда не аудитор.

Спину слегка ломило от долгого сидения на стуле.

Он старый больной, никому не нужный человек. Просто старик, доживающий свой век.

По щеке покатилась пока еще единственная слезинка.

Да. Как приятно было жалеть себя в столь сытом и умиротворенном состоянии.

Ничтожество. Пустое место. Человек, выброшенный на свалку истории. Человек, который никогда и не жил толком.

Он плакал. Старался плакать тихо, но через несколько минут уже перестал об этом беспокоиться.

Действительно, какая разница?

Опустошив свое больное сердце от накопившихся слез и душевных страданий, он лег лицом к стене, поплотнее укрылся теплым шерстяным одеялом, зарылся в мягкую объемную подушку, прижал к себе, обняв обеими руками, вторую подушку и мгновенно заснул.

Х

Зигмунд хорошо запомнил этот момент. Он тогда стоял у окна, отвернувшись от своего собеседника.

Через окно в ту самую ночь мало что можно было разглядеть, хотя он и не старался – слишком много неприятных чувств поднималось в его темной душе.

– Так вы говорите... – начал он, но тут же осекся, пытаясь собраться с мыслями.

Он хотел повернуться к человеку, сидящему за его спиной на краю кровати, но тело его словно оцепенело.

– Вы говорите... – нет, он никак не мог взять себя в руки.

Первый раз за долгое время его окружило липкое и навязчивое чувство страха. Ранее была лишь тревожность за его будущее, но это были, скорее, философские мысли. Какое место в этом мире он занимает, что ему делать со своей никчемной жизнью?

Но теперь все было совсем иначе. Ему было просто страшно в строго экзистенциальном смысле. Ведь он так и не научился психологически справляться с угрозами.

– Я говорю, – веселым голосом подтвердил мальчик, лежа на кровати и небрежно болтая ногами.

На несколько минут в комнате повисла неопределенная пауза, которая могла бы длиться и вечно (Зигмунд не возражал), если бы мальчику не надоело. Он резко встал на ноги и подошел к книжному шкафу, начав внимательно рассматривать корешки старых изданий.

– Послушай, Зигмунд, к чему ты так напрягаешься? Я же тебя нисколько не оскорбляю, не шантажирую и тем более не угрожаю, – медленно проговорил Келен, водя своим ухоженным пальчиком по пыльной полке.

Эта явно невпопад брошенная фраза заставила Зигмунда повернуться к нему. В глазах его читалась бурная смесь из смущения, негодования и презрения.

– То есть вы всерьез считаете, что, высказывая свое намерение меня...

Зигмунд на мгновение остановился, пошатнулся и начал терять равновесие, словно был пьян. Лишь случайное прикосновение руки о холодный подоконник возвало его к разумным чувствам.

Он собрался с мыслями и решил начать снова. Мальчик терпеливо ожидал, лениво перелистывая страницы какой-то книги.

– Вы ранее высказали свое намерение меня... убить, – Зигмунд наконец смог выговорить это чуждое его гуманистическому уму слово. – И вы действительно считаете, что это не угроза?

Мальчик лишь отмахнулся, словно сама высказанная Зигмундом мысль представляла собой нечто заурядное и не стоящее особого внимания.

– Конечно же, нет! – улыбаясь, воскликнул Келен, поднимая глаза на старика.

Зигмунд вздрогнул, когда черный взгляд мальчика прошел его насквозь, но смог удержаться в вертикальном положении, хоть все его тело и колотила сильная внутренняя дрожь.

Его мозг, его чувства, его душа – все вместе они буквально источали панические ритмы, предупреждая о стоящей перед ним опасности. Его тело вырабатывало адреналин в столь ненормальных количествах, что от своей неопытности и домашнего образа жизни он буквально оказался пригвожден к месту, не имея возможности пошевелить и кончиком пальца.

Этот... это... эта персона, что стояла сейчас перед ним, была не чем иным, как монстром. И от того, что чудовище предстало перед ним в облики маленького мальчика, не становилось легче.

Келен был не просто стар – он сочетал в себе несколько жизней одновременно. В легендах о темных душах говорилось о древних, которые настолько хорошо умели контролировать паразита, поселившегося в их теле, что могли жить на протяжении многих сотен лет.

Но легенда неспроста оставалась таковой. Практически невообразимо было представить себе, что кто-то в этом мире мог одержать верх над темной душой, которая со временем пожирала и завоевывала внутреннее Я своего бывшего хозяина, сводя последнего в могилу.

Да, человек становился сильнее. Да, он вбирал в себя опыт многих прожитых лет. Но внутренний баланс постепенно разъедался под воздействием пагубных мыслей и действий, и человек переставал осознавать причинно-следственную связь своих действий, попросту становясь сумасшедшим маньяком. А на таких монстров мир всегда находил управу. Простой, но крайне разгневанный люд, наемники, которые за большие деньги нашли бы и предали земле кого угодно, а также печально известные государственные аудиторы преследовали подобных созданий, и в конечном итоге всех, кто был одержим темными душами, ожидал скорострительный и крайне нелицеприятный конец.

Так раньше думал Зигмунд. Поэтому он и считал себя и своего бедного друга Малькольма безвозвратно погибшими. Если ты сопротивляешься злему духу, то он, не находя нужной ему подпитки отрицательной энергии, начнет пожирать своего временного хозяина. И тогда ты умрешь в страшных муках от болезни, против которой нет известного лекарства. От болезни, что поражает душу, нервы, а затем и всю физиологию тела. Ты умираешь в столь сильных муках, что жалеешь о том, что вообще когда-то жил.

Остается лишь выходить на свежий воздух и орошать его кровью и криками убитых, замученных тобою людей. Но так ты тоже долго не протянешь, ведь стрела быстрее мысли. А много стрел тем более.

И вот перед ним стояло, как ни в чем не бывало, доказательство его ошибочных рассуждений. Если, конечно, Келен не врал, но Зигмунд не мог заметить блеф – ни по жестам, ни по интонации голоса, ни по выражению глаз.

Ужасало и то, что темный дух захватил мальчика в столь юном и невинном возрасте. Зигмунд одновременно внутренне переживал о том, как тягостно юнец пережил вселение в себя мерзкого паразита, если даже взрослые мужи с крепким и развитым рассудком умирали в муках, пытаясь вобрать в себя темного духа. Но также в его голову приходили крайне мрачные мысли о том, насколько изошренным (извращенным?) должен быть ум Келена, если он смог прожить так долго.

Перед Зигмундом стояла не только живая загадка, но и самая сильная угроза, когда-либо встречавшаяся в его жизни.

– Это никакая была не угроза, – миролюбиво произнес мальчик, игриво пожимая плечами. – Скорее, ультиматум. Но я же дал тебе выбор!

– Ультиматум – это не выбор. Никогда нельзя считать выбором ситуации, в которой на одной чаше весов стоит смерть.

– О, ты совсем ничего не понимаешь в выборах, – нравоучительно заметил мальчик.

Он аккуратно положил книгу обратно на полку и снова вернулся к кровати.

– Смерть всегда незримо присутствует в нашей жизни, Зигмунд, – загадочно произнес мальчик. – Но далеко не всегда нам дают шанс выбрать ее. Тебе в чем-то повезло.

И он радушно улыбнулся старику.

Зигмунд тяжело дышал, смотря на мальчика невидящим взором. Но он сумел собраться с силами и мыслями, перестав бороться с текущим волнением, одновременно не давая своему сознанию пропускать *будущие* переживания в свою душу. Заблокировал дверь, забаррикадировался.

Тяжело вздохнул. Он не стал себе мысленно говорить, что все хорошо, не пытался успокоить себя.

Потому что все было крайне паршиво, и он более не хотел обманывать себя в этом.

– Но почему? Зачем вам все это? – задал он вопрос, который давно крутился на кончике его языка и на границе его сознания.

– А почему нет? – просто переспросил мальчик, еще раз пожимая плечами. – Почему нет? Разве не имею я свободы убивать кого хочу и когда хочу?

– Это... незаконно... – неуверенно произнес Зигмунд, пытаясь нащупать духовную почву под ногами.

Хотя он уже начинал понимать, что при разговоре с психопатом держаться знакомых берегов бесполезно. Либо ты с ним на одной волне, либо ты держишься своих принципов (которые должны быть *очень* хороши), либо ты погибаешь в волне нескончаемого безумия.

– А кто определяет закон?

Хитрая улыбка, кивок головы. Он действительно хочет знать ответ.

– Государство, – Зигмунд на секунду задумался. – И Бог.

– О! – искренне удивился мальчик. – Так ты, оказывается, верующий, Зигмунд?

– Нет... но хотел бы быть им. Но нет. Не верующий.

Он просто волнуется, поэтому отвечает прерывисто. Мальчик это явно замечает, и это явно доставляет ему удовольствие. Он чокнутый. Поэтому и прожил столь долго.

– Это не важно, – мальчик отмахивается и от этой мысли. – Абсолютно не важно. Да, действительно, как ты верно подметил, существуют законы, Зигмунд. Существуют и заповеди. Но я не могу по ним жить.

– Почему? – внезапно спросил Зигмунд, мысленно попрекая себя за этот вопрос.

Он не хотел это спрашивать, ему было совсем это не интересно.

Но мальчик ответил честно, без хитрых мысленных конструкций.

– Потому что они не охватывают всей сущности этого мира. Они существуют для контроля большинства и успешно с этим справляются. Но кто будет контролировать меньшинство? И что если это самое меньшинство успешно правит большинством?

– Если вы про недостатки демократической системы, то...

Но мальчик перебил его.

– Я про жизнь, Зигмунд, про жизнь. Жизнь, она не про системы, она хаотична и вечно изменяема невидимыми силами. Поэтому я стараюсь не задумываться о сложных конструкциях и просто жить. Разве не для этого меня создавал Бог? Не для жизни?

Эта пугающая философия, которая взялась словно ниоткуда, заставила Зигмунда слегка отшатнуться. Он бы сейчас многое дал, чтобы оказаться подальше от этого маленького сумасшедшего монстра, но вряд ли в этом мире нашлось бы место, где он мог бы спрятаться от него.

– Я... хотел бы вернуться к теме обсуждения, если можно, – нетвердым голосом попросил Зигмунд.

– Давай, – весело разрешил ему мальчик.

– Вы хотите меня убить. Я понимаю, что бесполезно спрашивать причины – я все равно вас не пойму, но я должен спросить, почему вы даете мне фору? Вам...

Нет, он должен сказать это. Терять ведь все равно уже нечего.

– Вам доставляет удовольствие погоня за своей жертвой?

У мальчика на лице застыло непонимающее выражение.

– Не понял, – просто произнес он.

Зигмунд постарался объяснить.

– Вы говорите, что даете мне месяц на организацию... побега из этого места. И что потом вы вернетесь за мной. Если я даже соберусь завтра, то на своих двоих, будучи в столь ослабленном состоянии и не привыкшим к длительным путешествиям, я вряд ли уйду далеко. И вы всегда сможете выследить меня и нагнать.

Брови мальчика медленно поползли вверх в недоумении.

– Нагнать? – переспросил он.

– Да, нагнать меня и убить, – жестко подтвердил Зигмунд, стараясь обвинительным взором окинуть своего злого собеседника.

Келен слегка смущенно рассмеялся.

– Ты, наверное, ничего и не понял, Зигмунд. Зачем мне за тобой гнаться? У меня как будто других дел нет... Вот если бы ты попался на моем пути, то... – он загадочно улыбнулся и покачал головой. – Кто знает? Но это все неопределенно. И я не хотел гоняться за тобой через всю страну, я говорил о другом – если через месяц я приеду сюда и увижу тебя здесь или неподалеку, то убью тебя. И это не было ложью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.